

На протяжении шестнадцати лет жизни Чжан Лишэна его понимание родителей строилось на обвинении Чжана Даову, жестоких избиениях, а также на том, что его кровь была поглощена ядовитым червем. Теперь, когда он был в объятиях Лили, его лицо показалось очень потерянным и не знающим, что делать с выражением.

Затем, вместо обиды и холодного упрямства, которое он воображал себе, Чжан Лишэн сказал пустым тоном, как будто внезапно вошел в деревянный дом с теплым камином после того, как споткнулся о дикий прохладный ветер: "Мама, моя мама думала обо мне. У меня есть мать, у меня есть мать, как и у всех остальных..."

"Извини, извини, детка, дорогая. Мама приехала, мама приехала, чтобы вернуть тебя домой".

"Я собираюсь увезти тебя подальше от этого ужасного места. Давай вернёмся в Нью-Йорк, вернёмся на другой конец Земли. Если мы это сделаем, поклонник сатаны больше ничего не сможет сделать с нами, мать и сын."

"Мистер Чен, мистер Томпсон, я могу привезти своего ребенка и покинуть это место, а затем улететь обратно в Нью-Йорк в любое время, когда захочу, не получая ни от кого одобрения, я прав?"

Директор Бюро по гражданским делам округа Ку Чен Цзяньчжун, который стоял в стороне, кивнул и сказал: "Верно, мэм Лили. Согласно законодательству нашей страны, как мать несовершеннолетнего господина Чжана Лишэна, вы, конечно же, имеете право взять его с собой и воспитывать в том месте, где вы живете".

"Миссис Лили, ваш ребенок родился в Америке. Как его единственный законный опекун на данный момент, вы, конечно, имеете право привезти его домой". Консульство США в Чэнду, первый секретарь Томпсон, который был тронут до слез, сказал то же самое, что он кивнул и вытер слезы.

Лили слегка лихорадочно помахала рукой и громко сказала: "Это здорово! Если это так, то поехали прямо сейчас".

Затем она сильно потянула Чжана Лишэна и, заговорив, ушла из деревни.

"Что..." Чжан Лишэн оглянулся вокруг, показав выражение, что он потерялся и не знал, что делать.

Тао Лилин немедленно остановил Лили. Он понятия не имел, что сказать, и в конце концов вынужден был что-то сказать: "Сестра, вы только что приехали сюда и уже уезжаете". Не хочешь немного отдохнуть?"

"Мне не нужен отдых, единственное, что я хочу сейчас сделать, это привезти моего сына,

чтобы он уехал отсюда." Столкнувшись лицом к деревне Гуаво, Лили, как курица, защищала свою цыпочку, в то время как она заблокировалась перед Чжаном Лишенгом и покачала головой, как она сказала, будучи начеку.

"Тогда, багаж. Думаю, Шан Чонгзи еще не упаковала свой багаж?"

"Я принесу ему все новое, я принесу ему новые вещи с головы до ног".

"Тогда... Тогда он должен хотя бы закрыть дверь, я прав?" Тао Лилин заставил улыбнуться и сказал.

Лили была ошеломлена и повернулась, чтобы посмотреть на Чжана Лишэна. Она сказала, что когда ее глаза стали необычайно нежными: "Дорогая, иди запри дверь". Тебе больше никогда не придется жить в этом жутком доме".

Чжан Лишэн чувствовал себя неловко, когда его мать, которую он только что опознал, продолжала называть его "милым", когда ему было уже 16 лет.

Однако, глядя в глаза Лили, наполненные материнской любовью, он понятия не имел, как заставить ее перестать его так называть. Все, что ему удалось сделать, это заикаться, как он сказал: "Но - Но это дом моих предков".

"Более того, даже если я действительно уезжаю, я должен попрощаться с жителями деревни. Я..."

"Дорогая, нам пора уходить. Чем раньше, тем лучше. Ты можешь послушать, что я скажу?" Лили сказала, показывая умоляющее выражение в Чжан Лишэне.

Чжан Лишэн некоторое время был ошеломлен и бормотал с опущенной головой: "Тогда - Тогда мне придется взять с собой багаж - багаж для - долгого путешествия".

"Ладно, ладно. Мама тебя слушает."

"Я провожу вас внутрь, чтобы упаковать ваш багаж. Давай быстрее, быстрее..." Лили, которая, казалось бы, не смогла отвергнуть просьбу Чжана Лишэна, носила страшное выражение, как будто собиралась ступить в горячую лаву. Защищая Чжана Лишэна, она медленно вошла в старый дом семьи Чжан с тревогой.

"Нет, мне не нужно, чтобы вы сопровождали меня. Я скоро буду готова". В этот момент Чжан Лишэн обошел Лили и быстро побежал в старый дом.

Первое, что он сделал, это пошел в центральную комнату, чтобы забрать "Маунтоад" и бросил его в бамбуковую корзину. Он подумал об этом, чтобы его волшебный червь выглядел менее абсурдным в бамбуковой корзине, он ловко снял каменную маску на стене центральной комнаты и две каменные скульптуры бога на подношениях на столе в бамбуковую корзину. Наконец, он получил несколько старых одежд и неуклюже покрыл их сверху.

После того, как он закончил, Чжан Лишэн вздохнул с облегчением. Как раз в тот момент, когда он собирался собрать воедино свою грязную мысль, снаружи вдруг раздался опустошенный крик Лили: "Дорогая, почему ты сама вошла в дом? Мама приехала, быстро приезжай к маме..."

Чжан Лишэн сразу же взял на голову бамбуковую корзину и выбежал из старого дома большими шагами.

Лили показала облегченное выражение лица, как будто она только что сбросила тяжелое бремя, когда увидела, как он благополучно выбежал из дома.

Никто не понимал, откуда взялся страх Лили в старом доме. Когда Чжан Лишэн вышел во двор и запер деревянную дверь, он пробормотал, глядя на Лили: "Я-я живу в этом доме уже более 10 лет, это не святыня Царя Ада..."

"Это не святыня Царя Ада, но это один из залов жертвоприношений Сатаны, мы должны немедленно покинуть это место, мед". Лили схватила Чжана Лишэна и сильно потянула его, бегущего к входу в деревню, следуя по тропинке горной деревни.

Дипломат Томпсон был ошеломлён, когда посмотрел на спину дуэта и негромко пробормотал перед собой: "Возможно, мне стоит предложить Нью-Йоркскому бюро социального обеспечения изучить психическое состояние этой мадам Лили. Она не похожа на гражданина, который мог бы нормально выполнять обязанности опекуна несовершеннолетнего взрослого".

Лили не прекращала бежать, пока тянула с собой Чжана Лишэна. По дороге под темным лунным светом похороненные бамбуковые дома и джунгли издали для нее ужасающим дьяволом.

Приехав на внедорожнике с черными номерными знаками посольства на въезде в деревню, она тут же открыла заднюю дверь машины и сильно толкнула в машину Чжана Лишэна. Затем она забралась на заднее сиденье и плотно заперла дверь.

Водитель, который вел внедорожник, был сотрудником, которого консульство США в Чэнду наняло на месте. Его звали Сонг Ксилин и ему было больше 50 лет. Увидев, что Лили привела молодого человека, одетого как деревенский житель, с бамбуковой корзиной на заднем сиденье, он улыбнулся, сказав: "Мэм Лили, вы так быстро возвращаетесь".

"Это, должно быть, ваш сын. Цк-цк, он доберётся до неба из маленькой горной деревушки до

хорошей жизни в Нью-Йорке, на самолете".

"Вздых, судьба - это что-то непредсказуемое. Моему внуку тоже всего 10 лет, но у него плохие оценки. Он даже не может поступить в хорошую школу в Чэнду, наша семья беспокоится о нем..."

"Поехали, пожалуйста. Пожалуйста, ведите прямо сейчас", - сказала Лили в трансе, задышавшись.

"Эх, о чем ты говоришь? Поехать? Мэм Лили, прекратите шутить со мной. Мистер Джонсон еще не приехал, если мы уедем первыми, вы хотите, чтобы он побежал обратно в Чэнду по автострате Шанхай - Чэнду?"

Услышав, что сказал Сонг Ксилин, Лили, которая сидела на заднем сиденье, перестала говорить, обнимая Чжана Лишэна крепко, как будто он - драгоценное сокровище.

Чжан Лишэн чувствовал себя неуютно и в то же время тепло от маминых объятий. Он напряженно снял со спины бамбуковую корзину и отложил ее в сторону. Затем он мягко спросил: "Мо-Мама, чего ты боишься?".

"Ничего, дитя мое. Я ничего не боюсь, мама просто хочет вернуть тебя домой как можно скорее." Лили, казалось, немного успокоилась, после того, как некоторое время осталась в машине и сказала, скрывая свои эмоции.

Прямо в этот момент Джонсон открыл дверь со стороны пассажирского сиденья и вошел в внедорожник.

Он повернулся и посмотрел на Лили, а затем сказал со всей серьезностью: "Мэм Лили, я думаю, мне нужно с вами поговорить".

"Мистер Джонсон, мы можем поговорить о чем угодно на дороге". Лили похлопала по спинке водительского сиденья и громко сказала: "Мистер Сонг, мистер Джонсон сейчас здесь".
Пожалуйста, ведите машину".

"Пожалуйста, ведите немедленно."

Водитель Сонг Ксилин был ошеломлен и посмотрел на своего работодателя инстинктом.

Видя иррациональное беспокойство Лили, Джонсон решил временно уступить, чувствуя себя беспомощным: "Хорошо. Мистер Сонг. Как джентльмену, в таком состоянии лучше всего следовать тому, что говорит леди".

"Конечно". Сонг Ксилин ответил случайно и включил двигатель машины.

В отличие от персонала, работающего в китайском правительственном департаменте, который обычно получает хорошее удовольствие после работы допоздна, Сонг Силинь, который привык придерживаться своей работы, как это делают американцы, сказал после того, как проехал по горной дороге некоторое время: "Мистер Джонсон, в контейнере с термосом в машине было несколько горячих булочек с паром, хотите одну или две?".

"О, Сонг, я умираю с голоду, а у меня в животе играет оркестр". Это здорово".

"Тебе действительно стоит подать заявление на работу офицером по внутренним делам нашего консульства. Осмелюсь сказать, что ты гораздо компетентнее старика Майрона."

"Это всего лишь пара пареных булочек, чем тут хвастаться? Если ты хочешь поесть чего-нибудь вкусненького, все, что тебе нужно сделать, это немного поболтать с директором Ченом из Бюро по связям с общественностью округа Ку. Уверен, ты легко получишь то, что хочешь".

Джонсон достал бумажный пакет с большими говяжьими булочками из термоконтейнера на переднем ряду внедорожника и вдохнул глубокое удовлетворение. Он спросил: "Сонг, что ты только что сказала?"

"Ты можешь легко получить то, что хочешь. Неважно, вы, американцы, не поймете этого, даже если я вам объясню."

Джонсон пожал плечами, передал бумагу обратно на задний боксир и спросил: "Мисс Лили, вам нужны древние китайские закуски?"

Лили покачала головой, не сказав ни слова.

"Как насчет тебя, малыш?"

"Мне это не нужно, спасибо."

"Кроме того, ты ешь булочку с начинкой на пару, это одна из основных пищи, а не закуски."

Джонсон был ошеломлён и удивлённо сказал по-английски: "Молодой человек, вы хорошо говорите по-английски!"

"У меня есть немного таланта в языке, а также компетентный учитель."

"Поздравляю, похоже, вы уже преодолели самое большое препятствие жизни в Америке."

"Этот парень с горы может бегло говорить на иностранном языке, как говорят западные."

Похоже, он действительно принадлежит тому месту, где родился". Сонг Ксилин, который сидел в стороне, с удивлением прокомментировал.

Чжан Лишэн, опустив голову, сказал глубоким голосом, когда услышал, что они сказали: "Я китаец, я все равно буду китайцем, независимо от того, насколько хорошо я владею английским".

<http://tl.rulate.ru/book/21779/763023>